

ЛИТОВСКИЕ УРОКИ

Драматический театр Литвы сейчас в какой-то странной ситуации. С одной стороны, талантливые спектакли Йонаса Вайткюса и Эймунтаса Някрошюса. (В Москве, прорываясь «на Някрошюса», публика чуть не сломила двери. Его спектакли везут в США, в Вену...) С другой — спектакли «второй свежести» в Академическом театре драмы, в Клайпеде...

Эймунтас НЯКРОШЮС:

Как мы будем выглядеть лет через сто?

— На страницах литовской печати время от времени возникают споры о судьбах национального театра. Отчетливо видны два подхода. Один (я его называл бы традиционно — литературоцентристским) исходит из того, что национальное своеобразие театра определяется наличием в его репертуаре пьес, созданных национальными авторами (или просто на национальном языке). Другой — театроцентристский (не скрою, я придерживаюсь именно его) — исходит из самостоятельности театра как автономного вида искусства, произведения которого создаются художником-режиссером, и текст тут — лишь один из компонентов. Чингиз Айтматов о своем «И дольше века длится день» говорил как о литовском спектакле. Примерно то же о своем «Дяде Ване» говорили по ТВ Наталья Крымова и Мари Захаров. Что ты думаешь об этом?

— Я не теоретик...
— И не надо теорий. Их у нас предостаточно.

— Многие от меня требуют: «Надо, надо ставить национальные пьесы». Но я не из тех людей, которые не могут жить, не могут спать без национальной драматургии. Во всяком случае — без современной. Не чувствую — вот ее не будет, и я умру. Есть же мировая литература, мировая драматургия. А мы — часть мировой культуры, часть материка, а не экзотический, потерянный в океане остров. Мы примеряем к себе, приспосабливаем к себе, присваиваем себе Шекспира, Чехова, Айтматова. К нам киргиз Айтматов, написавший о Казахе, пришел на русском языке. И меня, ей-богу, не национальный колорит — киргизский или казахский — в данном случае беспокоит. Главное, что это о нас, о людях и о человечестве. Значит, и обо мне, и о зрителе... Если бы кто из литовских драматургов написал такое... Увы... Нет такого качества мышле-

ния... Защита же национального своеобразие подчас становится защитой какой-то исключительности. Обращается провинциальностью, формализмом.

— Или же удобным способом проталкивать свои пьесы. Вижу тут аналогию с издаваемыми (даже на русском языке) книгами наших полуживых полуклассиков (есть такая могучая когорта многотиражников — поэтов и прозаиков).

— В нашем Министерстве культуры за сорок с лишним послевоенных лет накопился не одна сотня купленных пьес. Сколько среди них представляющих хоть какую-то ценность по сей день? На пальцах одной руки можно пересчитать. Если бы рождались по два-три шедевра в год... Но ведь за столетие рождаются один-два драматурга!

— Но, видишь ли, и авторы пьес, и их меценаты, и теоретики литературы утверждают, что театр обязан работать с драматургом, помогать ему — редактируя, уточняя, репетируя и, конечно же, ставя.

— Да, попробуй поработать с драматургом!.. Не все они такие, как Саулюс Шальтянис. Вот пример театрального, а не литературного драматурга. Он думает не столько о себе на сцене, сколько о спектакле, участником которого вместе с актерами, режиссером, композитором, художником он становится с первого дня. Он — наш. Независимо, кто в нашем литовском Молодежном театре его ставил или будет ставить — Даля Тамулявичюте, я или Альгис Латенас. Он — театральный человек, он — наш автор. Вспомни, как он помогал нам с «Пиромани...» да и с другими спектаклями.

Но, увы, Шальтянис — исключение, им надо родиться. Другие приходят, как ты

Смелость творчества, езда в неизвестное — и приспособленчество, повторение заповей, овальность... Рисканный, отважный рывок — и спокойный бег на месте, движение — и его имитация, немногие дела немногих — и громкие слова, обещания, отчеты всех остальных... Многолетние разговоры о необходимости развивать национальный театр на основе национальной драматургии — и отсутствие талантливых пьес (да, в общем-то, и самих драматургов)... Эйфория от все еще продолжающегося (хотя и заметно пошедшего на убыль) театрального «бума», многочисленности режиссуры, актеров, критиков — и все те же, что и десятилетие назад, режиссерские лица...

Проблемы развития национального искусства — и интернационализм... Роль и ответственность интеллигенции в укреплении братства народов нашей страны... Обо всем на одной странице «Литературной газеты» не расскажешь. Перед нами — лишь несколько стеклышек причудливой мозаики.

Материалы страницы подготовил и написал
Эдмонтас ЯНСОНАС

говоришь, полуживыми полуклассиками. У них все написано намертво и на века. Какие у них претензии! Они стоят над театром — не тронь их!.. Так что, как видишь, я не очень переживаю по поводу отсутствия хороших «наших» пьес. Я ставлю литовские пьесы, которые находят отклик во мне. Но таких пьес я больше нахожу «на стороне» — и не вижу в том беды. Какая, в сущности, разница... Горевать из-за этого не следует. Ведь нет хорошей национальной драматургии ни в Латвии, ни в Эстонии, ни в Норвегии, ни в Финляндии, но национальные театры там существуют.

Не надо требовать в конце концов от маленькой нации, какой мы являемся, большого количества драматургов. Говорю, они рождаются раз в два столетия. Что, в России положение лучше? Были Вампилов, Шукшин (хотя прежде всего он прозаик)... Кто еще? Арбузов, Розов, Рошин, Гельман... «новая волна», разнокалиберная и разнотемная. Да, Москва полнится драматургами. Почему же пьесы интересных так мало? Ну хорошо, мы мало знаем — но ведь и в Москве их почему-то не видно на театре... А все дело в том, что большинство из них — не драматурги. Они видят в драматургии лишь средство прославиться. Я же ишу, повторяю, настоящую драматургию. Тогда и возможен истинный национальный театр.

— А как же «Квадрат» — один из твоих спектаклей, имеющий успех и у публики, и у критики? Ведь его основа — повесть Валентины Елисейевой «Так оно было» — явно не из шедевров. Явно не произведение на все времена.

— Не сочти за лукавство, но, думаю, это случайный успех. Приблизился какой-то очередной праздник, оставалось два месяца, надо поставить «советскую пьесу», ничего интересного под рукой нет. В повести что-то увидел — и решил ставить. Это, повторяю, случайность, что спектакль хоть как-то получился. Ведь действительно художественного произведения нет. Есть интересная ситуация. Глубоким спектаклем «Квадрат» не стал. Это «американский спектакль»: здесь можно и поплакать, и посмеяться... Легкий вес — как в боксе.

Да, конечно, ребята там работают хорошо — и Костас Сморигинис, и Даля Оверайте, и Ремигиус Вилкайтис. Но если бы мы тогда ставили не «Квадрат», а что-то

более серьезное, глубокое, интересное... более качественное... если бы энтузиазм, запал, энергия и талант ребят пошла на что-то другое, на Шекспира, к примеру, КПД был бы гораздо выше.

— И все же, что определяет твой выбор той или иной пьесы? У тебя — Шальтянис и Чехов, Айтматов и Шекспир... В планах — опять Шекспир, Маркес. Что Чехов — «твой», ты доказал своими «Ивановым» и «Дядей Ваней»... А другие?

— Какой-то генеральной линии я не имею. Это, наверно, многих шокирует. Я не могу сказать, что вот это я буду ставить сейчас, это — через год, а это — через пять лет. Я берусь ставить пьесу, которая мне интересна возможностью выяснить что-то для себя и для других. Никаких решений, режиссерских планов на репетицию не несу. Иду — и с ребятами вместе пытаемся докопаться до сути, до причин, до связей. Конечно, я знаю, к какому берегу поведу корабль. Знаю, что там будет — солнце или дождь. А курс прокладываем на репетициях все вместе. Может, поэтому я люблю умных артистов, а не тех, кто умеет «по системе», как он сам считает, плакать или красиво улыбаться.

Для какой-то одной темы, одной мысли, одной линии я спектаклей ставить не умею. Не могу ни воспевать, ни разоблачать. Довольно, наразоблачались — вон сколько так называемых «политических» пьес поставили уважаемые режиссеры в уважаемых театрах. Шли на открывенный компромисс, на спекуляцию. (Ее, кстати, подерживала и критика, я «верха».)

И сегодня очень мало режиссеров, работающих совестливо. Большинство своими постановками, выбором пьес преследуют некие свои «сверхинтересы». Я не могу этого объяснить, мне самому очень интересно: они — режиссер, труппа — знают ведь, чем кончится этот спектакль. Знают — и ставят. А драматурги знают — и пишут. У них нет высшего идеала, какой был у Чехова, у Пушкина. Как будут жить люди через сто, двести, триста лет, как слово мое отзовется тогда? Этот вопрос не заботит наших «полуживых полуклассиков». А хорошо было бы, если бы заботил. Как я буду выглядеть лет через сто, будут ли читать, буду ли нужен? Вот в чем вопрос...